
Георгий Адамович
Чистилище
А. Лео.

Георгий Адамович

ЧИСТИЛИЩЕ

СТИХИ

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕТЕРБУРГ
1922

Отпечатано
в 15-ой Государственной типографии
(бывш. Голике и Вильборг)
под наблюдением В. И. Анисимова

Р. В. Ц.
Напечатано в количестве 2000 экз.

ЧИСТИЛИЩЕ

ПАМЯТИ

АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

Звенели, пели. Грязное сукно,
И свечи тают. «Ваша тройка бита.
Позвольте красненькую. За напиток
Не беспокойтесь». И опять вино,

И снова звон. Ложится синий дым.
Все тонет — золото, окно и люди,
И белый снег. По улицам ночным
Пойдем, мой друг, и этот дом забудем.

И мы выходим. Только я один,
И ветер воет, пароходы вторят.
Нет, я не Байрон, и не арлекин,
Что делать мне с тобою, сердце — море?

Пойдем, пойдем... Ни денег, ни вина.
Ты видишь небо, и метель, и трубы?
Ты Музу видишь, и уже она
Оледенелые целует губы.

1916

Где ты теперь? За утесами плещет море,
По заливам льдины плывут,
И проходят суда с трехцветным широким флагом
На шестом этаже, у дрожащего телефона
Человек говорит: «Мария, я вас любил».
Пролетают кареты. Автомобили
За ними гудят. Зажигаются фонари.
Продрогшая девочка бьется продать спички.

Где ты теперь? На стотысячезвездном небе
Миллионом лучей белеет Млечный путь,
И далеко, у глухогудящих сосен, луною
Озаряемая, в лесу, века и века
Угрюмо шумит Ниагара.

Где ты теперь? Иль мой голос уже, быть может
Без надежд над землей и ответа лететь обречен
И остались в мире лишь волны,
Дробь звонков, корабли, фонари, нищета, луна
водопады?

1920

По широким мостам... Но ведь мы все равно не
успеем,
Эта вьюга мешает, ведь мы заблудились в пути
По безлюдным мостам, по широким и черным
аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь дымит и вздыхает тревожно столица.
Рестораны распахнуты. Стынет дыханье в груди,
Отчего нам так страшно? Иль может быть все
это снится,
Ничего нет в прошедшем, и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где то,
Но как скошены ноги, я больше бежать не могу
О еще б хоть минуту! И щелкнул курок писто-
лета,
Все погибло, все кончено... Видешь ты, —кровь
на снегу.

Тишина. Тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
И под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит.

1921

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

Звенит гармоника. Летят качели.
«Не шей мне, матерь, красный сарафан»
Я не хочу вина. И так я пьян.
Я песню слушаю под тенью ели.

Я вижу город в голубой купели,
Там белый Кремль — замоскворецкий стан,
Дым, колокольни, стены, царь-Иван,
Да розы и чахотка на панели.

Мне грустно, друг. Поговори со мной.
В твоей России холодно весной,
Твоя лазурь стирается и вянет.

Лежит Москва. И смертная печаль
Здесь семячки лущит, да песню тянет,
И плечи кутает в цветную шаль,

1917

Тогда от Балтийского моря
Мы медленно отступали
По размытым полям... Звезды
Еще высоко горели,
Еще мы победы ждали
Над императором немецким,
И холодный сентябрьский ветер
Звенел в телеграфных нитях
И глухо под тополями
Еще шелестел листвою.
Ночь. Зеленые ракеты
То взлетали, то гасли в небе,
Лай надтреснутый доносился
Из-за лагеря, и под скатом
Робко вспыхивала спичка.
Тогда — еще и доныне
Мне виден луч синеватый, —
Из мглы, по рядам пробираясь,
Между смолкнувших пулеметов,
Меж еще веселых солдат,

Сытых, да вспоминающих
Петербургские кабаки,
Пришла, не знаю откуда,
Царица неба — Венера
Не полярным снегом одета,
Не пеной Архипелага,
Пришла и прозрачною тенью
У белой березы стала.
Точно сон глубокий спустился
Покровом звездным. Полусловом
Речь оборвалась, тяжелея
Руки застыли... Лишь далекий
Звон долетел и замер. Тихо
Я спросил ее: «царица,
Ты зачем посетила лагерь?»
Но безмолвно она глядела
За холм, и мне показалось,
Что вестницы смерти смотрят
Так на воинов обреченных,
И что так же она смотрела
На южное, тесное поле,
Когда грудь земли пылала
Златокованными щитами,
Гул гортанного рева несся,
Паруса кораблей взлетали,
И вдали голубое море
У подножия Трои билось.

1919

О мертвом царевиче Дмитрии
И о матери его, о стрельцами
Зарезанных в Кремле, быть может
О разбойнике на большой дороге
Убитом в драке, о солдате
Забытом в поле, и даже
О тех, кто ветренной ночью
Цеплялись за мерзлые канаты
Тонущей «Лузитании»
И уже онемев смотрели
На темное, жадное море,
Каждое утро и каждый вечер,
И ночью, привстав на кровати,
Кто-нибудь умоляет Бога
Прощение дать и блаженство.

Помяни же и человека,
Который в Угличе не был,
Убийц не просил о пощаде,
И плеска Марны не слышал,

И льдистых громад не видел,
Но уже семнадцатой ночью,
Не дыша и не двигаясь, в доме
Занесенном до крыши снегом,
Смотрит на тихий месяц,
И пересохшими губами
Повторяет имя Александра.

1920

О, жизнь моя! Не надо суеты,
Не надо жалоб, — это все пустое.
Покой нисходит в мир, — ищи и ты покоя.

Мне хочется, чтоб снег тяжелый лег,
Тянулся небосвод прозрачно-синий,
И чтоб я жил, и чувствовать бы мог
На сердце лед и на деревьях иней.

1920

Когда в предсмертной нежности слабея,
Как стон плывущей головы,
Умолкнет голос бедного Орфея
На голубых волнах Невы,

Когда, открывшись италийским далям,
Все небо станет голубеть,
И девять Муз под траурным вуалем
Придут на набережной петь,

Там, за рекой, пройдя свою дорогу
И робко стоя у ворот,
Там, на суде, — что я отвечу Богу,
Когда настанет мой черед?

1919

По темно-голубому небу мчались
Крутые облака. Дул ветер южный,
Клубя густую пыль. На тротуарах
Теснились люди. Темными рядами,
Сверкая сталью, конные войска
Тянулись неподвижно. Крик нестройный
Рожком летящего автомобиля
Прорезывался изредка. Разносчик
Толкался, предлагая апельсины
И грязные орехи. Вдруг пронесся
По улице широкой и пустой
Карьером офицер какой-то, шарфом
Как бы давая знак, и тишина
Сменила сразу гул и общий говор,
И долго слышался лишь стук короткий
Копыт о гладкие торцы. Потом
Опять все смолкло, даже облака
Как-бы застыли в небе. Я спросил
У старика, который под стеною
Стоял не шевелясь, зачем собралось
Все это множество людей. С усильем

Остановил на мне он тусклый взгляд
И прошептал чуть слышно: «Император».
И стал я ждать. Часы тянулись, или
Минуты лишь, — не помню я... Никто
Тогда уж не был в силах помнить время.
И вдруг протяжно, будто бы на дне
Огромной пропасти запели трубы,
И медь литавров дрогнула, и белый
Дымок взвился до неба, и знамена
Под звон победоносной Марсельезы
Поникли до земли, как золотые
Лохмотья славы... И невдалеке
Увидел человека я. Под ним
Ступал неторопливо белый конь,
И, отступя шагов на двадцать, шла
В тяжелых, кованных мундирах горсть
Каких-то пышных всадников. Но он
Был в сером сюртуке и треугольной
Потертой шляпе... О, и твердь, и воды,
И ротозеи, и солдаты, — все
Преобразилось в миг, и миллионы
Расширенных, горящих, жадных глаз
Его черты ловили. Сжав поводья,
Он ехал, и, казалось, тяжесть сна
Еще не мог он сбросить, и не мог
Пошевелить рукой... Сто лет, сто дней
Как бы туман стояли. Перед ним
Арколь дымился где-то, иль Париж
Кровавый буйствовал, иль в нашем солнце

Узнать хотел он солнце Аустерлица,
Иль слышался ему унылый гул
И плеск ленивых волн у скал Елены,
Не знаю я, но безразличный взгляд
Не замечал, казалось мне, ни зданий,
Ни памятников, ни полков, ни даже
Трехцветных флагов... Ширясь и растя
Как у архангелов гремели трубы
О славе мира, лошадь тяжело
И медленно ступала, и не смел
Никто ни двинуться, ни молвить слова.
Когда ж за красной аркой Император
Скрываться стал, и, точно обезумев,
За ним толпою побежали люди,
Сбивая и давя друг друга,— я
За тенью исчезающей его
Лишь в силах был следить. и мне подобных
Не мало было... Помню, вечерело
И был неярко озарен весь город
Бледнозеленым заревом заката,
Сиявшим за Адмиралтейством.

1916

За миллионы долгих лет
Нам не утешиться... И наш корабль, быть
может,
Плывя меж ледяных планет,
Причалит к берегу, где трудный век был
прожит.

Нам зов послышится с кормы:
«Здесь ад был некогда,— он вам казался раем».
И силясь улыбнуться, мы
Мечеть лазурную и Летний сад узнаем.

Помедли же! О, как дышать
Легко у взморья нам и у поникшей суши!
Но дрогнет парус,— и опять
Поднимутся хранить воспоминанья души.

1918

ВАГНЕР

I

Падает снег, звенят телефоны,
Белое небо глядит в окно,
Небо,— совсем полотно
Над крышей, трубой, ржавой, зеленой.

Есть только смерть,— ни любви, ни веры.
Что мне с ними делать теперь?
Придет, постучится в дверь,
Тихо качнет муфтой серой.

Смотри — суббота. Конец в воскресенье.
Белое небо бьет в окно,
Ко мне прильнуло оно.
Надежда? Надежда? Покой? Спасенье?

Нет спасения, нет покоя,
Изольда, я тебя любил,
Изольда, я все забыл,
Останься, побудь со мною.

Останься, побудь! Дьячки, поклоны,
Не страшно,— розы к ногам,
А там, — дальше и там
Календарь, снег, телефоны.

1916

Опять гитара. Иль не суждено
Расстаться нам с унылою подругой?
Как белым полотенцем бьет в окно
Рассвет,— предутренней и сонной вьюгой.

Я слушаю... Бывает в мире боль,
Бывает утро, Петербург и пенье,
И все я слушаю... Не оттого-ль
Еще бывает головокруженье?

О, лошадей ретивых не гони,
Ямщик! Мы здесь совсем одни.
По снегу белому куда ж спешить?
По свету белому кого любить?

1917

Нет, ты не говори: поэзия — мечта,
Где мысль ленивая игрой перевита,

И где пленяет нас и дышит легкий гений
Быстротекущих снов и нежных утешений.

Нет, долго думай ты, и долго ты живи,
Плачь, и земную грусть, и отблески любви,

Дни хмурые, утра, тяжелое похмелье,
Все в сердце береги, как медленное зелье,

И, может, к старости тебе настанет срок
Пять-шесть произнести как бы случайных строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил влюбленный,
Растерянно шептал на казнь приговоренный,

И чтобы музыкой глухой они прошли
По странам и морям тоскующей земли.

1919

Еще и жаворонков хор
Не реял в воздухе, луга не зеленели,
Как поступь девяти сестер
Послышалась нежней пастушеской свирели.

Но холодно у нас. И снег
Лежит. И корабли на реках стынут с грузом.
Под вербой талою ночлег
У бедного костра едва нашелся Музам.

И, переночевав, ушли,
Они в прозрачные и нежные долины,
Туда, на синий край земли,
В свои «фиалками венчанные» Афины

Быть может, это — бред... Но мне
Далекая весна мечтается порою,
И трижды видел я во сне
У северных берез задумчивую Хлою.

И, может быть, мой слабый стих
Лишь оттого всегда поет о славе мира,
Что дребезжит в руках моих
Хоть и с одной струной, но греческая лира.

1921

На окраине райской рощи
У зеленоструйной воды
Умоляет Ороль Беляра:
«О, любимый, не улетай»!

Отвечает Беляр Оролю:
«Жди меня у реки Тале.
У людей я три дня пробуду
И в четвертую ночь вернусь».

Безутешен Ороль. «Навеки
Я с тобою»! сказал Беляр,
И пылающими губами
Он Ороля поцеловал.

Через синие океаны
Метеором летел Беляр
И на землю вышел в цилиндре,
В лакированных башмаках.

Был до вечера он в Париже
И в огромном цирке ему
Улыбнулась из ложи дама
С черным страусовым пером

Через час он теплые плечи
Медом пахнущие сжимал
И задыхаясь от блаженства,
Еле слышно сказал: «Ороль»!

Ночь редела... Два дня до срока
На рассвете летел Беляр
Через синие океаны
Метеором в далекий рай.

Тридцать ангелов в темных ризах
Над рекою Тале стоят.
«Где Ороль»? их, изнемогая,
Тихо спрашивает Беляр.

Но окованы страхом хоры.
Лишь один архангел мечом
На полупрозрачное тело
Бездыханное указал.

«Небывалое совершилось
Здесь Ороль», отвечает он.
«Но душа его отлетела
Даже Бог не знает куда».

1921

Тридцатые годы, и тени в Версали,
И белая ночь, и Нева,
И слезы о непережитой печали,
И об утешеньи слова,

Ну, что ж,— сочинять человеку не трудно,
Искусство покорно ему,
Но как это жалко, и как это скудно,
И как не нужно никому!

И я говорю: — не довольно ль об этом?
Что дальше — закрыто от всех,
Но знаю одно, — притвориться поэтом
Есть смертью караемый грех.

Поэт — не мечтатель. И тем безнадежней,
И горестней слов ищет он,
Чтоб хоть исказить свой торжественно-нежный,
И незабываемый сон.

1921

Печально-желтая луна. Рассвет
Чуть брезжит над дымящейся рекою,
И тело мертвое лежит... О, бред!
К чему так долго ты владеешь мною?

Туман. Дубы. Германские леса.
Печально-желтая луна над ними.
У женщины безмолвной волоса
Распущены... Но трудно вспомнить имя.

Гудруна, ты ли это?... О, не плачь
Над трупом распростертого героя!
Он крепко спит... И лишь его палач
Нигде на свете не найдет покоя.

За доблесть поднялась его рука,
Но не боится доблести измена,
И вот лежит он... Эти облака
Летят и рвутся, как морская пена.

И лес, и море, и твоя любовь,
И Рейн дымящийся, — все умирает,
Но в памяти моей, Гудруна, вновь
Их для чего-то время воскрешает.

Как мглисто здесь, какая тишина,
И двое нас... Не надо утешенья!
Есть только ночь. Есть желтая луна,
И только Славы и Добра крушенье.

1921

Там вождь непобедимый и жестокий
Остановился огненной стеной...
Стоит туман. Стоит звезда на востоке.
О, Русь, Русь, — далеко она за горой.

Ты на землю лег, сказал: «надо молиться!
Мой первый бой сегодня». И сквозь туман
Не поднялась над лесом черная птица,
Под облака метнулся аэроплан.

«Тише. тише! Вы видите, солнце село,
Теперь уж скоро нам придут помочь.
Милостив Бог!» И только река шумела,
Да пашню и лес душила темная ночь.

Когда ж стемнело совсем, совсем, и ангел,
И ангел — мы видели!—нас закрыл рукой,
Маккензен вдруг двинул с холма фаланги
Прямо на лагерь, заснувший над рекой.

Огонь, огонь! Я верно в сердце ранен,
А ты вскочил на белого коня,
И вдруг качнулся тихо... Ваня, Ваня,
Ты видишь еще, ты слышишь еще меня?

Боже мой, Боже, за что ты нас оставил,
За что ты нас так страшно покарал?
Не видно труб и крестов пустой Варшавы,
Далеко до полуночи, далеко до утра,

И уж рушится все... Лишь вокруг, по склонам и
долам,
По траве, по реке, по зеленым речным берегам
Поднимаются к небу стоять перед райским пре-
столом
Тени людей отстоявших земным царям.

1916

РОСМЕРСГОЛЬМ

Темнеют окна. Уголь почерпел.
Не в страсти жизнь, а в истинной свободе.
По кабинету от стены к стене
Лунатики, ломая руки, бродят.

Кипит неутолимый водопад,
И мостик еле видный перекинут,
Чтоб те, кто в доме стонут и горят,
Упали в серебристую стремнину.

Любовь, любовь... Слабеет голова,
Все о политике бормочут люди,
Все повторяют грубые слова,
Что в этом доме радости не будет,

А в этом доме будет тишина,
Как над пустыми фьордами бывает,
Когда огромным фонарем луна
Полярных птиц и море озаряет.

1916

Холодно. Низкие кручи
Полуокутал туман.
Тянутся белые тучи
Из-за безмолвных полян.

Тихо. Пустая телега
Изредка продребезжит.
Полное близкого снега
Небо недвижно висит.

Господи! И умирая,
Через полвека, едва-ль
Этого мертвого края
Я позабуду печаль.

1920

ВАГНЕР

II

Туман, туман... Пастух поет устало
Исландский брег. И много лебедей.
«Где ты теперь? Белей, корабль, белей!
Придешь ли ты ко мне, как обещала?»

Так, медленно, Надежда умирала,
И тенью Верность реяла над ней,
Еще цепляясь за гряды камней,
И бархат горестный немого зала.

Так, в медной буре потрясенных труб
Еще о нежности звенели струны,
И бред летел с похолодевших губ,

И на скале, измученный и юный,
Изнемогая от любви и ран,
Невесту, как виденье, ждал Тристан.

1918

Я влюблен я очарован.

Пушкин

Проходит жизнь. И тишина пройдет,
И грусть, и по ночам тревога,
Но, задыхаясь, нежность добредет,
Без сил до смертного порога...

Так он не вскрикнул и не поднял глаз,
Веселого не молвил слова,
Когда комета встала в первый раз
В шелку багровом — Гончарова.

Но рокот арф, ночь, и огни, и бал, —
Все говорило: нет спасенья.
И понял он, и мне он завещал
Тот блеск кровавый и мученье.

Гуляй по безбрежной пустыне
Под нежные трубы зари,
Пей воздух соленый и синий,
На синие волны смотри.

Пусть остров и радуга снится,
А если наскучили сны,
Не девушка, нет — Царь-девица
Придет из хрустальной страны.

Но это не жизнь. И когда же
Над бледно-неверной волной
Ты парус опустишь и скажешь
«Довольно. Пора и домой»?

1916

Качается фонарь. Белеет книга.
По вышитым подушкам бледный свет,
И томный вздох: «Ах, как люблю я Грига,
Ах, как приятен этот менуэт».

Но белым клавишам роняя думы,
Любовь свою и домыслы свои,
Ты слышишь-ли, каким унылым шумом
Они, желанные, заглушены?

1918

ПО МАРСОВУ ПОЛЮ

Сияла ночь. Не будем вспоминать
Звезды, любви, — всего, что прежде было.
Пылали дымные костры, и гладь
Пустого поля искрилась и стыла.

Сияла ночь. Налево над рекой
Остановился мост ракетой белой.
О чем нам говорить? Пойдем со мной,
По рюмке коньяку, да и за дело.

Сияла ночь. А может быть и день,
И, может быть, февраль был лучше мая,
И заметенная, в снегу, сирень
Быть может, шелестела, расцветая,

Но было холодно. И лик луны
Насмешливо глядел и хмурил брови.
«Я вас любил... И как я ждал весны,
И роз, и утешений, и любови!»

Ночь холодней и тише при луне.
«Я вас любил. Любовь еще быть может...»
— Несчастный друг! Поверьте мне,
Вам только пистолет поможет.

1918

В. Ф.

I

О, сердце, не бейся, не ной,
Опять эти ночи со мной,
И снова в пустое окно
Смотрю я, — и все мне равно.

Я помню: костры, облака,
И вдруг под мехами рука
Чуть тронула руку мою
(Как милостыню подают)

И только... И долгих три дня
В испуганной памяти я
Не счастье свое берегу,
А снег, и костры на снегу.

II

Все понимаю, все — одно сияние,
Снег, облака, костров тяжелый свет,
И дым на улицах. Что состраданье!
Но и тебе, мой друг, прощенья нет.

За тихий смех «я завтра уезжаю»,
И уезжай! — дорога-то легка —
За утешения, за то, что знаю,
Как нищая душа твоя жалка.

III

Четвертый раз над этой жизнью
(Как солнце, утром в ноябре)
Сияет свет, и дни проходят
Чуть озаренные огнем.

Не страшно и совсем не больно
Смотреть в холодные глаза
И говорить: «люблю навеки»
И равнодушно забывать.

Но, правда, вечерами страшно,
Когда останешься один,
Считать года и сердце слушать,
Как тихо старится оно.

17

За стенами летят, ревут моторы,
Ложится снег и фонари горят.
И хочется домой. Но верно скоро
Погаснет свет и люди замолчат.

В полупустом театре, чуть белея,
У дымно-белых, как луна, ворот
Стоит прозрачной тенью Саломея
И с отвращением голову берет.

И ей, в снегу холодном и в разлуке
С халдейским небом, с голубой звездой,
Что радости ей наши, или муки,
Иль сноба лондонского сон тупой?

1918

Еще, еще немного краски синей
Над ветками, где стонет соловей
Фарфоровый, и в облаках пришей
Луну печальную на парусине.

Повеял ветер, и деревья гнутся,
И никнут лилии, снегов белей...
Ты кончил ли? Так позови людей,
Пусть очаруются, пусть улыбнутся!

1916

1801

— Вы знаете, — это измена!
Они обманули народ.
Сказал бы, да слушают стены,
Того и гляди донесет.

Ах, нет! Эти шумные флаги,
Вы слышите, этот набат
Широкий... Гвардейцев к присяге
Уже повели, говорят.

Ведь это не тучи, а клочья
Над освобожденной Невой...
Царь Павел преставился ночью,
Мне все рассказал часовой.

Был весел, изволил откушать,
С царицей шутил, — через час
Его незлобивую душу
Архангелы взяли от нас.

Вы знаете, эти улики
Пугают, — до самого дня
Рыдания слышались, крики
В окне, голоса, беготня..

Россия! Что будет с Россией!
Как страшно нам жить, как темно!
— Молчите. Мгновенья такие
И вспомнить другим не дано.

1916

Жизнь! Что мне надо от тебя, — не знаю.
Остыла грусть, младенчества удел.
Но так скучать, как я теперь скучаю,
Бог милосердный людям не велел.

И если где-нибудь живет и дышет,
Тот, кто навек назначен мне судьбой,
Что ж не приходит он ко мне, не слышит,
Еще не ослабевший голос мой?

Лишь два огромных, черных, тусклых глаза
И два огромных, траурных крыла
Тень бросили от синих гор Кавказа
На жизнь мою и на мои дела.

1920

Как холодно в поле, как голо
И как безотрадны очам
Убогие русские села
(Особенно по вечерам).

Изба под березой, болото,
По черным откосам ручьи,
Невесело жить здесь, но кто-то
Мне точно твердит: «поживи,

Недели, и зимы, и годы,
Чтоб выплакать слезы тебе,
И выучиться у природы
Ее безразличью к судьбе».

1919

Едва расслышу я два-три последних слова,
Едва взгляну на бледный лоб,
И все, и навсегда, недвижно и сурово
Под пеленою скроет гроб.

И страшен оттого мне каждый час разлуки,
И грустно день за днем встречать,
И руки тянутся, беспомощные руки
Блаженство наше удержать.

1921

«Еще, еще минуточку,
Повремени, палач!»
Поймали в сети уточку,
Не вырвешься, — хоть плачь.

Шумит толпа веселая,
Сияют небеса.
Стальная и тяжелая
Над головой коса.

Три быстрых взмаха молота,
Минута... Отче наш!
Что счастье, слава? Золото, —
И купишь, и продашь.

Но за пустой околицей,
На чердаке, в глуши.
Чиновник пьяный молится
За упокой души,

Семи царей возлюбленной, —
Не помогли цари! —
Семью грехами сгубленной
Графини Дюбарри.

1918

ПЕСНЯ

Ах, весна, ах прекрасное лето,
Ах, сияние светлого дня!
Друга милого в городе нету,
Он надолго покинул меня.

Целовальник божится в трактире,
Что кого не помиловал суд
Поселяют в далекой Сибири
Или даже в Манчжурью везут.

Оттого-то я слышу ночами
Льют железо, ломают гранит,
Вижу друг мой с моими врагами
В арестантском халате стоит.

Постаревший в неволе и в муке,
Похудевший от дыма и мглы,
Поднимает он белые руки,
А на белых руках кандалы.

Ах, сестра, золотая гитара,
Что нам делать с тобой, — прозвени!
У окна, да над шумным бульваром,
Да в такие-то ясные дни?

1916

Им счастие даже не снится,
И их обмануло оно.
Есть в мире лишь скука. Глядится
Скучающий месяц в окно.

Пьют чай, разбирают газеты,
Под долгие жалобы вьюг,
И думают, думают: «где ты,
Теперь, мой забывчивый друг?»

1919

БОЛЕЗНЬ

В столовой бьют часы. И пахнет камфорой,
И к утру у висков еще яснее зелень.
Как странно вспоминать, что прошлою весной
Дымился свежий лес и вальдшнепы летели.

Как глухо бьют часы. Пора нагреть вино
И поднести к губам дрожащий край стакана.
А разлучиться всем на свете суждено,
И всем ведь кажется, что беспощадно рано.

Уже не плакала и не звала она,
И только в тишине задумчиво глядела
На утренний туман, и в кресле у окна
Такое серое и гибнущее тело.

1916

Как дымный парус, жизнь моя
Уходит, и туман редеет.
Уже над морем вечереет,
А нет навстречу корабля.

Уже над морем тишина,
И солнце тихо потонуло.
Чернеют в сумраке акулы
Вокруг разбитого судна.

Что жадным вечер обещает?
Иль слушают теперь они,
Как синий берег и огни
Матрос в бреду припоминает?

1916

— Поскучай, дружок, поскучай, —
Где же вольные твои небеса?
Вот у нас сапфиры, парча,
Кинематограф и бега.

— Я давно ничего не ищу,
И давно ничего не люблю,
И зачем напомнил мне ты,
Про былые мечты мои?

Не хочу любви и вина,
Незнакомок, чахлых озер,
Потому что все — суета,
Все будет один костер.

Ты останься со мною, грусть,
И белая Венера — звезда,
А людей не хочу... Пусть
И они забудут меня.

1916

Тихо, мирно мы теперь живем
И не ссоримся. Сидим за чаем.
Утром соловей поет, потом
Граммофон. И все таки скучаем.

— Это поле — помнишь? — Ватерло!
Эти крики — слышишь? — Брабансона...
Господи! как тихо, как тепло,
Как здесь душно, в этой клетке темной...

После ночь. И лучше помолчать,
Правда лучше. И ведь надо силы,
Чтобы завтра новый день начать.
Утомительный такой, и милый.

1918

Девятый век у северской земли
Стоит печаль о мире и свободе,
И лебеди не плещут. И вдали
Княгиня безутешная не бродит.

О Днепр, о солнце, кто вас позовет
По вечеру кукушкою печальный,
Теперь, когда голубоватый лед
Все затянул, и рог не слышен дальный,

И только ветер над зубцами стен
Взметает снег и стонет на просторе,
Как будто Игорь вспоминает плен
У синего, разбойничьего моря?

1916

Я думал: вся земля до края
Цветы, моря, степная ширь.
Теперь я знаю: есть глухая
И тихая страна — Сибирь.

Я думал: жизнь — изнеможенье
Тревожно-радостных ночей,
Теперь я знаю: есть терпенье,
Есть окрик пьяных сторожей.

Над нами небо голубое,
Простые птицы, облака,
Так сердце учится покою
И учится труду рука.

Уже о прошлом не жалея,
Не помня, может, — я и ты
Глядим на пену Енисея
И сосен тонкие кресты.

1916

Проходил под лесами. Кирпич
Вдруг сорвался, будто играя...
Вот и кончено все... Спи!
Это лучшее, что бывает.

Каждый день проносят гроба,—
Что здесь было, что еще будет?
Точно ястреб степной судьба,
А добыча скудная — люди.

Но забившись под крыши вновь
И поют, и в шашки играют,
И зовут иногда, любовь,
Тебя. Потом умирают.

Спаси, Господи, люди твоя.
Царь наш милостивый и далекий,
Покажи им Твои поля,
С тишиною и солнцем легким.

1916

Не в книге прочесть и не в песнях узнать
Об этом, — Бог с ними со всеми, —
Но смуглые руки поцеловать
Настанет мне все таки время.

И будет минута, когда я пойму
Нестройных судеб совершенство,
И жизни «Помедли», скажу, «потому
Что имя твое — блаженство».

1922

Нам в юности докучно постоянство,
И человек, не ведая забот,
За быстрый взгляд и легкое убранство
Любовь свою со смехом отдает.

Так на заре веселой дружбы с Музой
Неверных рифм не избегает слух,
И безрассудно мы зовем обузой
Поэзии ее бессмертный дух.

Но сердцу зрелому родной и нежный
Опять сияет образ дней живых,
И точной рифмы отзвук неизбежный
Как бы навеки замыкает стих.

1921

Когда,
Забыв родной очаг и города
Овеенные ветром южным,
Под покрывалом ей уже не нужным
Глядела на Приамова стада
Рыжеволосая Елена,
И звонкоплещущая пена
Дробилась о смолистое весло,
И над волнами тяжело
Шел издалека гулкий рев: «измена».
Где были мы тогда,
Где были
И я, и вы?
Увы

Когда
У берега Исландского вода
С угрюмым шумом билась,
И жалобная песня уносилась
От обнаженных скал туда,
Где медлила вечерняя звезда,

По глухорокочущим лесам и по льду,
Когда корабль на парусах белей,
Чем крылья корнуэлльских лебедей,
Нес белокурую Изольду,
Где были мы тогда,
Где были
И я, и вы?
Увы!

1920

Устали мы. И я хочу покоя,
Как Лермонтов, — чтоб небо голубое

Тянулось надо мной, и дрозд бы пел,
Зеленый дуб склонялся и шумел.

Пустыня-жизнь. Живут и молят Бога,
И счастья ждут, — но есть еще дорога:

Ничто, мой друг, ничто вас не спасет
От темных и тяжелых невских вод.

Уж пролетает ветер под мостами,
И жадно плещет гладкими волнами,

А вам то, друг мой, вам не все ль равно,
Зеленый дуб или речное дно?

1917

Заходит наше солнце... Где века
Летящие, где голоса и дали?
Где декорации? Уж полиняли
Земные пастбища и облака.

И я меняюсь. Падает рука
Беспомощно, спокойны мысли стали,
Гляжу на эту жизнь, — и нет печали,
И чужд мне даже этот звук: тоска.

Но все ж я не подвластен разрушенью.
Порою мир одет прозрачной тенью,
И по ночам мне страшно иногда,

И иногда мне снится голубое
И плещущее море, и стада
У берега моей родимой Трои.

1919

ВОЛОГОДСКИЙ АНГЕЛ

I

Царь Христос побудь с нами, Царь Христос, ты
нам помоги,
Не прожить нам в этом мире, одолели нас враги
Солнце, солнце в вольном небе, как фонарь, гори
и пылай,
Озари по грехам и горю путь далекий в небесный
рай!
Что, Алеша, о чем ты просишь? Лучше-б в
городе погулял.
Пелагея Львовна сына от уныния берегла.
Тихо рос он, один, играя с собаченкою у пруда,
Или серый замок из глины с трехоконной башней
лепил.
А теперь, не ребенок боле, — восемнадцатый год
пошел —
Как береза у опушки, все тянулся и молчал.
Иногда за огороды уходил и там, у реки,
На широком и теплом камне, будто мертвый в
небо глядел.

Тихо стелются Божьи реки, воздух северный чист
и свеж,
Тихо облако в небе тает, точно ангельская душа.
Возвращался. Пылили овцы. Уж над лесом стоит
звезда.
«Что-ты, рыбу ловил, что-ли?» У подгнившего
плетня
Пелагея Львовна сидела и скучая сына ждала.
«Нет, я в поле был, мама», — отвечал он и шел
к себе,
И потом, сквозь щелку двери, до полуночи иногда
Было видимо мерцанье восковой дрожащей свечи.
«Что-ж, молитва угодна Богу, только странно
это мне,
В эти годы!» А Алеша улыбаясь слушал мать.
Ой, весна, ой, люди-братья, в небе серые облака,
Ой заря над лесом, ветер — все в темнице
Господней мы!
Белый город Вологда наша, на окраине тишина,
Только стройный звон колокольный, да чирикают
воробьи.
Вьется речка, блестит на солнце, а за речкой
лес, холмы,
За холмами мир вольный, — но Алеша не знал
о нем.
Знал пустое, — что соседка продала на базаре
кур,
А уряднику на почте заказное письмо лежит.
Да и Пелагея Львовна не умнее сына была,

Не в гимназии училась — у Воздвиженской
попадьи.
Всякий люд идет дорогой, — проезжают в тройках
купцы,
И с котомками богомольцы, и солдаты на войну.
Из обители далекой к Троице-Сергию инок шел
Попросил приюта в доме, отдохнуть и хлеба
кусок.
В мае ночи коротки, белы, стихнет ветер, небо
горит
И плывет звезда-Венера по сияющим морям.
Все о доле монастырской, о труде монах говорил,
А Алеша о мире думал и заснуть потом не мог.
Что за жизнь! Заря, сосны, золотые колокола.
Уходя утешил инок Пелагею Львовну, сказал:
«Сын ваш чист и душой, и телом... Тщитесь
матерь, его сберечь.»
А она лишь улыбнулась — «Знаю, славный
мальчик он,
Неиспорченный он и скромный, — только ведь
не помощник мне!»
И не знала, не угадала в материнском сердце
своем,
Что врата грядущей печали ей захожий монах
открыл.

II

Был напротив через канаву с голубыми ставнями
дом,
Пустовал пять лет, а нынче и ему нашелся
жилец.
Из Москвы Ильина — купчиха наняла за пятьсот
рублей,
И малиновый сад при доме, доходивший до реки.
Не понравилась купчиха в околотке никому,
Было гордости в ней много, не ответит и на
поклон,
Говорят, из Москвы бежала от суда и славы
плохой,
Мужа там зарезала, что-ли, и любовников завела.
Непонятны дела на свете, начала теперь замечать
Пелагея Львовна, будто веселее Алеша стал.
Подойдет вдруг, поцелует, говорит, что жить
хорошо,
А однажды — и вспомнить дивно! — «Очи
черные» он запел,
И все чаще, и все дольше пропадал, гуляя в
полях.
Раз обмолвилась о купчихе, а Алеша и покраснел,
И сказал «Не надо мама осуждать». И смутясь
ушел.

С той поры Пелагея Львовна стала спрашивать
и следить,
Но беседует ли мальчик с Ильиною — храни
Господь! —
И куда он исчезает, где скитается по часам.
Вечер теплый был, ясный, пели жаворонки в
полях,
Розовело над лесом небо, будто рая горнего брег.
Под забором, таясь в бурьяне и в сиреневых
кустах,
Пелагея Львовна тихо подглядеть за сыном шла.
И увидела: Алеша у широких белых берез
Под холмом остановился, озираясь по сторонам.
Из глухого переулка не скрываясь и не спеша
Вышла женщина, — Алеша ей навстречу побежал,
А она его лениво потрепала по плечу,
За собою в лес темный по тропинке увела.
Шалью черною покрыта и далеко, не разглядеть,
Но хмельную шалую поступь и движения белых
рук
Пелагея Львовна знала. И с тревогой в сердце
она
На закат и лес глядела, будто райский огненный
брег.
Уж во тьме пришел Алеша, через кухню к себе
прошел,
Даже матери доброй ночи перед сном не пожелал,
А она сама не зная, как ей к делу приступить,
Фитилек вошла поправить у «Спасителя на водах»,

«Поздно, мама, ты легла бы!» Покачала головой
И на сына она взглянула — «Ах, Алеша, не
хороши
От родимой матери тайны. Ты, Алеша, это брось».
Рассердилась потом и долго — уж совсем начало
светать —
Слезы горькие утирала о сиротской доле своей.
А Алеша лежал. И молча он укоры слушал ее
Только раз вздохнул: «Мама! Ты ее не осуждай».
Но когда устав от жалоб, Пелагея Львовна ушла,
На крючек закрыл он двери в свою комнату, и
там
Было слышно помощи молит — «Царь Христос,
прости меня!
Царь Христос меня помилуй и что делать мне,
научи».
И подслушав слова такие, Пелагея Львовна
совсем
Успокоенная заснула, — нет Алеша добрый сын,
И ей снилось, что Алеша уже вырос, богатым
стал
И на площади у собора зеленную лавку открыл.

III

Снова к вечеру посвежело, снова мальчик гулять
пошел
В поле. Может быть и в рощу, — только видела
что один.

Что же — лето на исходе, отчего не погулять
Можно так же и знакомство благородное свести.
Очень поздно. Нет Алеши. Уж десятый час
пробил.
И совсем стемнело. Странно,—где теперь ему
пропадать.
А у Ильиной напротив ставни сторож давно
закрыл,
Значит дома озарница, верно картами занята
Подглядеть в окошко можно. Пелагея Львовна
пошла
Через дорогу, озираясь, чтоб никто не видел ее.
Залилась дворняжка, звякнул под ногой осколок
стекла,
Три окна широких были в сад малиновый отперты.
Под стеной, на красном диване, низко голову
опустив,
И лишь руки перебирая, не дыша Алеша сидел,
А по комнате, как тигрица, в черном платье и
кружевах,
Ильина ходила, будто и не глядя на него.
Сбились косы, на лоб нависли, и румянец — май-
ский цвет —
Разлился — наверно красок привезла она из
Москвы.
«Право, вы совсем не мужчина». Напевая, подо-
шла
И к Алеше села, руку на плечо положила ему,
А рука бела и кольца переливчатые горят.

«Завтра утром я уеду, — как хотите, или здесь
Оставайтесь до снегу, или...» И склонилась вдруг
к нему:
Что же любишь, любишь?» Алеша — будто это
и колдовство —
Улыбнулся, голову поднял и ответил тихо «люблю»
«Ну, так завтра, на рассвете...» Но не стала
таких речей
Пелагея Львовна слушать, убежала к себе домой,
И со злобой ждала Алешу, и заснула, не дожда-
лась,
И сквозь дрему только помнит, сын к ней в спаль-
ню ночью вошел,
Еле двигаясь, и руками, как юродивый разводя
«Что, Алеша?» А он не скоро, будто и совсем в
забытьи,
Подошел: «но как же, мама, обещание мне
забыть»?
Пелагея Львовна даже и ответить не собралась,
Лишь подумала: «надо будет завтра батюшку
позвать»,
А потом опять заснула беспокойным сном она,
И под утро слышала, будто кто-то бродит и поет
Песнопения, как бывает, пред отходом души
поют,
И калитка скрипит, а, может, это только снится
ей,
Иль к соседу больную внучку из Архангельска
привезли.

Встала утром. Нет Алеши. Дверь на улицу
отперта
Рассердилась и с обедом не хотела подождать,
Но Алеша не вернулся, да и к ужину не пришел
Лишь когда совсем стемнело, Пелагея Львовна
вдруг
Поняла, что Ильиною обольщен был мальчик
вчера
И с любовницей своею на машину убежал.
Сразу бросилась к купчихе, чуть звонок не
оторвала,
И на заспанную девку накричала.—И в ответ
Услыхала, что нет хозяйки, неизвестно ни где
она,
Ни когда вернется,—верно не вернется она
совсем.
Тут и стало матери ясно, что Алеша ее обманул,
И на старости одинокой на весь город осрамил.
Дом со свечкою осмотрела, поискала и в саду
Пелагея Львовна, после и к друзьям она пошла.
«Нет подумайте, родные, не ждала я такой беды.»
Кто смеялся, а кто и плакал, но никто не мог
сказать
Убежала куда купчиха,—надо думать, что в
Москву,
А в Москве дьячков племянник частным писарем
состоит,
Может он найти Алешу, только город ведь
большой,

И почтарь, а он ученый, рассудительный человек,
Говорит, американский пароход Алешу увез.
Хлопотала и сердилась Пелагея Львовна, но все
Время долгое умиряет, проскучала четыре дня,
А потом и догадалась, что Господь ее наказал
За грехи или за ропот, а Алеша вернется к ней,
И знакомые навещали, убеждали слез не лить,
А постившись до Успенья, губернатору написать,
Утешение — врач искусный, — Пелагея Львовна опять
Прогуляться вышла в рощу за морошкою и в грибы.

IV

Вянет поле, трава желтеет, солнце падает в облаках,
И на ветках у опушки переругиваются грачи.
Но в лесу темно, глухо, — только сучья захрустят
Под ногами, да лист мертвый, точно золото упадет.
Еще слышен звон протяжный, долетают и голоса.
А за вытоптанным оврагом только сумрак и тишина.
Но грибов совсем немного, лишь опенки или грузди,

Что в них толку? Есть поляна, за Кирилловским
родником,
Так куда ни оглянешься, все белеют боровики.
Путь далекий, но решила одинокая пойти
Что сидеть в пустом доме, только грех один
тоска.
Ночь уж близится, над лесом разлилась, как
море, заря
Но в лесу зари не видно, ветви черные пере-
плелись.
Источает дух прохладный, под листвою преет
земля,
И покой нисходит в душу, и врачует ее... И
вдруг
Там за пнями, за белой березой, или может быть
в облаках,
Голос легкий вскрикнул — Мама! — и далекий
оборвался.
И такая над темным лесом стала дивная тишина,
Что, казалось, земля томится перед скорой смертью
своей,
И ступить по листьям страшно, страшно двинуться
или вздохнуть.
Удивленно в даль глядела за пригнувшиеся
кусты
Пелагея Львовна, будто сон внезапный ее сковал.
Но опять, опять и ближе, и знакомее, и родней
Голос тонкий вскрикнул — Мама! — прозвенел, как
бубенец.

Обмануться не может сердце, не узнать чей голос звенит.
«Травы, травы, птицы, деревья, где же мой возлюбленный сын,
Вы зачем его таите и зачем он меня зовет?»
Свежий шелест прошел по лесу, принагнулись цветы к земле.
«Подожди» отвечают травы «скоро сына увидишь ты»!
Ночь спустилась, по лощинам зажурчали ночные ключи,
Под ногами мох тонет, глухари на деревьях спят,
И качаются мерно, тихо, словно снится им ветерок.
Уж и голоса не слышно, не звенит он в тишине,
Только свет далекий мреет, как от белого фонаря.
«Травы, травы, земля, деревья, где же мой единственный сын,
Вы зачем его схоронили, от меня увели зачем?»
Точно буря ветви рванула, быстро выпрямились стебли
«Радуйся» отвечают травы «разве сына не видиш ты?»
За кустами, в облаке снега, как в сияющей пелене,
На груди скрестив руки, улыбаясь Алеша стоял.
Поглядел на мать, после низко голову наклонил
И пошел вглубь леса над валежником и землей,
И она не удивилась, — это райский снится сон,
Не окликнула, не спросила, за сиянием побрела.

Только все догнать не может, «подожди, сынок, меня»
А он тихо, не отвечая, над зеленой мокрой землей
Будто по морю на веслах между никлых трав плывет.
«Ты куда же, сын Алеша, ты зачем от меня идешь?»
Но уже не слышит Алеша, за деревья уходит он,
За деревья, на поляну, за студеные родники.
Посреди широкой поляны, хмелем зреющим обвита,
Деревянная часовня у сквозной ограды стоит.
И перед ликами святыми пятьдесят лампад зажжено.
За ограду прошел Алеша, на досчатых ступеньках стал,
Обернулся, поклонился до сырой, зеленой земли
Поклонился, руки поднял, к небу поднял глаза свои,
И на низкой колокольне зазвенели колокола.
Закачались дубы и сосны, тонкий по лесу льется звон,
На цветы, на густые травы пала свежая роса
И звенят зеленые клонят, пред Угодником стебельки
А заслышав звон далекий, на осыпанный снегом свет
Из дремучей чащи звери подошли, лисица, волк
И медведь косматый, ветви раздвигая, захрапел.

V

Мох набухший гниет и вянет, рассветает в темном лесу,
На высоких дубах белки перескакивают по ветвям
Да проносятся шальные, дождевые облака.
Поднялась и не может вспомнить, где же голос легкий, и звон,
И сияющая часовня? Только лéс вокруг и туман
Но за муравьиными пнями, под березой, на мягком мху,
В лужу голову запрокинув, не дыша Алеша лежит
И в прозрачных цепких пальцах деревянный держит крест.
Подбежала, наклонилась к сыну милому, а он
Он и зубы уже оскалил, уж совсем окоченел.
Только под вечер вернулась по размытым полям домой
Пелагея Львовна, — долго не могла дороги найти.
Все соседям рассказала, и к протоиерею пошла
Чтобы завтра у обедни он Алешу бы помянул.
Люди слушая, сомневались, и качали головой,
Нет в лесу ее Алексея, он разгуливает в Москве.

Но когда в горячий полдень, на телеге, на двух
коням
Привезли худое тело к покривившемуся плетню,
Умилились сердца людские, слезы частые по-
текли,
Об Алеше, о мире бедном, утопающем во зле.
Лишь почтарь про свет и звоны даже слушать,
хитрый, не стал,
Все смеялся он — дудки! — а поверить не хотел.

1916

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

